

ЭЛЛА КРЫЛОВА

ВОСХОД

1997 №26

Происхождением кто не
знаменит?

Питало всех божественное чрево.
Сплошная знать направо и налево,
и плотью чернозем по горло сыт.

Не генеалогическое древо,
твой путь растет, нацеленный в зенит,
где камертон безжалостный звенит -
двойное острие любви и гнева.

Меч и венец выковывает тишь.
Восходишь ты, и, восходя, творишь
восхищенной душой тяжелоплавкой

ту высоту, на коей преклонишь
свои колена царственные лишь
пред Господом, возлюбленной и плахой.

НАРЦИСС

На плоскую поверхность водоема
спина, лицо - попеременно,- грудь
всплывают как проекция отнюдь
не тела - живописного приема.

Но глубины оливковая муть
утаивает смуглые объемы;
к ним, вытесняя илестую дрему,
стремится страсть - всей кожей
прильнуть.

Здесь созерцанье как объятие длится
и форма вопрошает свой исток:
изменчивая видимость двоится,

и мрамор примеряя, и цветок,
чтоб выйти из себя - развоплотиться
в свой смысл, что един и одинок.

* * *

Я причащаюсь пустоте
вовне. Так мир до сотворенья,
должно быть, выглядел. Нигде
грустит не знающий старенья

никто, не человек, но и
не Бог. Ничейная свобода.
Откупоренное аи
трезвующего сумасброда.

Уже сознание живет,
возводит келью костяную
и латы шелковые шьет,
о стройной гибели тоскуя.

Пусть прежде сердца ищет грудь
гремучей бронзой опериться,-
где нет пути - там всюду путь,
открытая на всех страницах

не книга - вещая тоска
о слове, бывшая в начале.
От воскресенья до виска -
четыре вечности печали,

от смысла до живой строки...

В порожнем хаосе упругом
ни всплеска эха. Маяки
перекликаются друг с другом.

* * *

Не оглядывайся, скорбя.
Не пойдут с тобой, Ланцелот.
Что врата весны для тебя,
то для них - объятья болот.

С кем же сам ты, парень, сравним,
если в их глазах испокон
стерегущий рай херувим
выглядит как дракон?

Кто тут ближний? Чем дальше в лес -
тем больше врозь. Волчий вой
панибратских милей словес.
Как сказал бы Яков хромой,

только сила Силе родня.
На скрещеньи нагих мечей -
в брачной схватке льда и огня -
дух рождается. И ничей

не удержит его запрет
в тесной люльке стези людской.
У бессмертных прошлого нет.
Не оглядывайся с тоской.

* * *

Мост приглашает прыгнуть вниз,
и темя чувствует, как воды
над ним смыкаются. Свободы
другой и не предложит жизнь,

чем этот выход за ее
пределы в темное иное,
текучей временной стеною
надежно огражденное

от повседневных миражей,
размноженных без счета в лицах
избыточных и в лишних птицах
поверх чрезмерных этажей.

Земля, ты чересчур земля,-
как будто перстенок с сапфиром
перемигнулся что ли с миром
потусторонним,- что, круга

условный горизонт, ты нам
за подлинник сегодня выдашь?
Переведенное на идиш
и барахлящее "сезам"?

Коснуться сумрачного дна...
Мир, где мы тычемся и бредим...
Но все же между тем и этим -
как стрелка компаса - одна

есть связь, в которой нам дано
удостовериться воочию:
так ласточка, что снилась ночью,
влетает за полдень в окно.

* * *

Здесь одиночество и нищета
дырявую протягивают шапку,
в которую бросает высота
подснежников веселую охапку,-

не хлебом, мол, единым будешь сыт.
И что это - поблажка или вызов?
Немотствует небесный сибарит,
лишь голуби срываются с карнизов.

Гудят крыла их, как колокола,
перекрывая пеню темных ставен,
и красота, что мира не спасла,
дает побег из собственных развалин,

как если б крест дубовую листовую
внезапно брызнул на Святую Пасху
и пастырь в пляс пустился, сам не свой,
тем самым сильно озадачив паству.

Но ведь плясал когда-то царь Давид
перед Ковчегом! Что до ритуала,
у христиан такой плачевный вид,
хоть чудо им подай - все будет мало.

Но причитанья сладко так звучат,
и в томных всхлипах радость потаенна,
и как не преклонить со всеми в ряд
пред вечной жертвой смертные колена!

Но лучше - продолжать случайный путь
в обход досужих праведных хотений
и узнавать свою живую суть
в контрастности апрельской светотени.

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Памяти Сергея Курехина

Не свирепое солнце мне гложет лицо,-
это прыгают тигры сквозь огненное кольцо
и уходят по волнам - по клавиатуре воды,-
оставляя похожие на поцелуи следы.

Не карающий ангел натягивает тетиву,-
это звезды попарно скатываются в траву
и, поднявшись - вся в белом, весь в черном
и оба в цветах,-
убегают на кровлях мерцать, на мостах.

Так рапан уворованный рокоты моря хранит
и земля - прислонись, - под асфальтом
четкетку копыт,
и встает на дыбы чистокровный, храпя,
лимузин,
и плывет освещенный, качаясь, ночной
магазин.

Это белая ночь, это чертова белая ночь.
Чем невинней, тем до искушений сильней
ты охоч,
но безумие моцартианское сводит на нет
тот порядок вещей, коим брызнул
запретный ранет

на зубах прародителей. Ну же, играй же с
листа -
эвкалиптового ли, кленового - райские наши
места.

Анаконда, обвившись вокруг ножки рояля,-
как в жгут
скрученный септаккорд. И кулисы вот-вот
подожгут.

Август 1996